

М.М. Сизов (Институт языкознания РАН)

M.M. Sizov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Об эксперименте словосложения в романе И.С. Рукавишникова

«Проклятый род»

On the Experiment of Word Juxtaposition in Ivan S. Rukavishnikov's Novel

'Proklatyi Rod' ('The Accursed Clan')

Аннотация

В своем романе «Проклятый род» И.С. Рукавишников, используя разные модели, создает большое количество окказиональных сложных языковых единиц, лингвистический статус которых подлежит тщательному дальнейшему изучению и определению.

In his novel 'The Accursed Clan', Ivan S. Rukavishnikov, using different patterns, creates a wealth of nonce compound forms whose status is yet to be closely studied and defined.

Ключевые слова

окказиональные сложные языковые единицы, словосложение

nonce compound forms, word juxtaposition

Данная статья посвящена авторским особенностям такого вида словообразования, как словосложение (см. [1; 2; 6]). Следует сказать несколько слов об исследуемом авторе и его романе. Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1930) родился в одной из богатейших купеческих семей Нижнего Новгорода. Относится к писателям и поэтам Серебряного века. Его роман-трилогия «Проклятый род» издавался полностью в 1914 г. В советское время, если не считать публикации первой части («Семья железного старика») в 1928 г., роман не печатался, так как выходил за рамки соцреализма. В 1999 г. роман был переиздан издательством «Нижегородская ярмарка» и стал доступен современному

читателю. Примеры в этой статье будут даваться в авторском написании (слитно, через дефис или раздельно) с указанием страниц именно по этому изданию [5].

Язык романа весьма своеобразен. Автор часто использует короткие предложения, в том числе начинающиеся с союза *и*, разнообразные повторы; глаголы регулярно употребляются в несовершенном виде, порядок слов в предложении может быть своеобразен (несовременен). Характерно использование постпозитивных определений, устарелой или малоупотребительной лексики. Особое внимание обращают на себя разнообразные типы словосложения, в которых активно задействованы все основные части речи. В романе отмечается огромное число авторских, окказиональных новообразований, как правило, оформляемых при помощи дефиса, например: *хохот-гром* (118), *отнести-спрятать* (91), *входили-вбегали* (92), *ново-старый сон* (23), *неверяще-радостные глаза* (75), *лампадно-душная спальня* (119), *спокойно-важно вымолвил* (34), *говорил вкрадчиво-испуганно* (100) и др. Использование дефиса в таких новообразованиях не всегда обязательно по современным нормам орфографии, но такова творческая воля автора.

Рассматриваемые в данной статье окказионализмы чаще всего не вписываются в существующие словообразовательные классификации и не подпадают под устоявшиеся определения. Тем не менее, в статье мы используем термин *словосложение* и используем его в самом широком, обыденном смысле — ‘сложение слов или основ для образования новых языковых единиц’.

Многочисленную группу составляют окказионализмы, образованные методом соположения имен существительных, в результате чего создаются оригинальные, авторские словосочетания ¹. В этой группе естественным образом выделяются три основные подгруппы.

¹ В разграничении сложных слов и словосочетаний подобного типа мы придерживаемся точки зрения, высказанной в «Краткой русской грамматике» [3, 83—84].

В первую, наиболее многочисленную подгруппу можно объединить окказионализмы, в которых первое существительное является определяемым словом, а второе — определением. Примеры:

– И слушая слова молитвенно-любовные, забвенно постигал тайны дна, *очей-колодцев* жутко близких. Тайны хрустального дна. И *словами-птицами* молитвенно-любовными отвечал (180).

– В ночь на Казанскую тепло было на Волге. В доме Макаровом *гостишуты* перед ужином бродили из залы на балкон (285).

Такой тип словосложения высокопродуктивен в современном русском языке, и тому можно привести множество примеров: *фабрика-кухня, фабрика-прачечная, телефон-автомат, кафе-мороженое, вагон-ресторан, школа-интернат, кресло-кровать, диван-кровать, человек-паук, человек-невидимка, сумка-тележка, мышка-норушка, лягушка-квакушка* и др. В романе И.С.Рукавишников, естественно, встречается большое количество общеупотребимых словосочетаний, образуемых по этому типу. Примеры: *колдун-великан* (18), *юноша-рыцарь* (21), *дубы-великаны* (21), *барин-покойник* (32), *мать-вдова* (40, 118), *девица-красавица* (52), *невеста-вдова* (68), *братья-помещики* (69, 70, 82), *ангел-хранитель* (88), *мещаночка-молодуха* (126), *старик-колдун* (128) и др.

Этот тип словосочетаний в романе широко представлен и именами собственными с постпозитивным определением-приложением: *Горюнова-мать* (42), *Пантелеймон-угодник* (55), *Тараканиха-ехидна* (55), *Тараканиха-ростовщица* (73), *Матрена-трясогузка* (59), *Рожнов-подлец* (73), *Верка-подлячка* (76), (91), *Борк-гусар* (117), *Настасья* (-) *невеста* (117), *Корнут-отрок* (139), *Федор-покойник* (156), *Венеция-красавица* (246), *Раиса-мамаша* (255), *Дорочка-сестрица* (256), *Ванька-клюшник* (382), *Степка-подлец* (396), *Надя-призрак* (420—422) и др. Сравните эти характеристики с общеизвестными: *Иван-царевич, Иванушка-дурачок, Марья-искусница, Илья Муромец* и др.

И.С. Рукавишников широко пользуется этим типом словосложения и создает множество своих окказионализмов, например: *злоба-жаба* (15, 16), *сон-греза* (24), *домик-ящик* (29), *думы-упреки* (46), *думы-тени* (138), *деревья-старики* (61), *комната-убийца*

(77), *любовь-тихость* (90, 117), *любовь-привычка* (90), *любовь-блаженство* (117), *духи-искусители* (104), *словечки-намеки* (116), *речи-загадки* (130), *смерть-придумщица* (145), *слова-птицы* (180), *дворец-крепость* (182), *шепот-шурианье* (198), *речи-молитвы* (206), *город-гроб* [о Венеции] (282), *смерть-обезьяна* (291), *ветерок-дыхание* (280), *улыбка-загадка* (329), *часы-совы* (367), *мысль-память* (393), *стук-знак* (400) и др.

Иногда писатель снабжает существительное и двумя постпозитивными определениями. Примеры: *слова-приговоры-ругательства* (28), *мать[-]старуха-вдова* (55), *любовь-скорбь-обида* (117).

Другую, значительно менее многочисленную подгруппу в романе представляют собой словосочетания, в которых первое существительное является определением ко второму. Примеры:

– В театр дочь Любовь повезла. Из ложи глядя на еще неподнятый занавес, разрыдалась. И часто-часто плакала перепуганная *старухой-жизнью* (118).

Из числа общеупотребительных, используемых в романе, можно привести следующие примеры: *смарагд-камень* ‘изумруд’ (51), *вдова-мать* (56), *орел-птица* (68), *павлин-птица* (107), *дура-голова* (72), *чудо-дом* (98), *чудо-дворец* (100), *чудо-птица* (113, 114), *золото-человек* (101) и др. И лишь немногие из них можно отнести к числу окказионализмов, например: *старуха-жизнь* (118, 139), *искры-огни* (247), *четыреугольники-пятна* [от картин на стенах] (405) и др.

До недавнего времени этот тип словосложения был малопродуктивен в русском языке. Примеры этого типа весьма немногочисленны: *чудо-град*, *чудо-остров*, *бой-баба*, *жар-птица*, *красавица-девица*, *царь-колокол*, *царь-пушка*, *Царьград*, *трын-трава*, *дурман-трава* и др. Однако под влиянием английского языка в современном русском языке продуктивность этого типа значительно возрастает и в основном за счет использования английских существительных в роли препозитивного определения [4, 221—235]. Примеры: *флэш-карта*, *интернет-кафе*, *фейс-контроль*, *гриль-бар*, *медиа-проект* и множество других. Примеры типа названия радиопередачи «Валенки-шоу»,

пекарни «Фили-Бейкер», катка в Москве на Красной площади «ГУМ-Каток», в которых в роли препозитивных определений использовались бы русские слова, редки.

Поскольку в данном исследовании мы рассматриваем окказиональные, не закрепленные в узусе словосочетания в рамках художественного текста, порой возникают трудности с их интерпретацией. Рассмотрим три примера:

– Вон у среднего окна поднялся мольберт. Он похож на силуэт гильотины. *Лапы-листья* растений черные, черные и большие. Они шевелятся около окон... (188).

– Без скатерти стол длинный, длинный, узкий. Тот, на котором недавно еще обеда еженедельные, многояственные, сынам, дочерям и внучатам вдова железного старика предлагала во славу великого рода, во славу и в память великого старика отошедшего, *тени-портреты* коего и здесь, в столовой горнице, и рядом в тихой гостиной, где все под чехлами спит... (266).

– Шептал ли, думал ли. Шкатулочку красную серебряным ключиком отомкнул. В алой бархатной постели *игрушка-револьвер*. Перламутр, позолота на нем (329).

Что является определяемым и определением в выделенных окказионализмах? Реальный мир подсказывает, что определяемым должны быть *листья*, *портреты* и *револьвер*. Однако словообразовательный тип, где первое слово является определением, как мы уже упоминали выше, является малопродуктивным: на наше восприятие влияет другой тип, значительно более продуктивный, где определяемым является первое существительное. Если исходить из этой позиции и принять, что определяемыми в этих примерах являются *лапы*, *тени* и *игрушка*, то текст романа становится еще более выразительным — и таких окказионализмов, допускающих разное толкование их семантической структуры, в романе много.

Значительную группу сложных окказионализмов составляют существительные, объединенные не определительной, а сочинительной связью, по типу *хлеб-соль*, *отец-мать*. Среди них можно выделить окказионализмы, в которых объединены существительные, близкие по значению, например:

– В болезнью подкошенной Надиной душе белые женщины *дум-мечтаний* в пляске хороводной свились (148).

– Седой лунь, прозорливец хищный, в *тучах-облаках*, редко по-зимнему темных, место себе выискал. Над Волгой над декабрьской, над белой, сидит, когти в тучу — в облако вонзив (162).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *голос-говор* (22), *хохоты-крики* (45), *страх-ужас* (50, 82, 128), *страхи-ужасы* (263, 275), *страсти-ужасы* (275), *медали-ордены* (62), *шум-говор* (63), *шум-крик* (91), *шум-смех* (91), *шум-суета* (186), *знаки-узоры* (66), *пар-дым* (67), *крик-ругань* (70), *крики-ругань* (135), *злоба-ненависть* (72), *шаги-прыжки* (78), *грохот-треск* (78), *грохот-хохот* (101), *крик-визг* (78), *сорванцы-разбойники* (84), *подлецы-мошенники* (84), *голоса-крики* (101), *любовь-охота* [разводить лошадей] (111), *грезы-сны* (120), *счастье-удача* (136), *думы-мечтания* (148), *думы-грезы* (253), *хитрости-придумки* (156), *тучи-облака* (162), *свет-огонь* (246), *сила-мощь* (264) и др.

Объединение существительных, близких по значению, служит целям интенсификации их значений и более полного описания фрагмента ситуации.

Выделяется также группа окказионализмов, в которых существительные объединяются только по общности ситуации или объекта номинации, например:

– Глаз-на-глаз с царь-девицей рыцарь вдвоем сидели. *Песня-музыка* слов рыцаря чаровала (130).

– Бьются нетопырями, лампы боящимися, летают в холодных стенах в мраморных *думы-страхи* матери (183).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *слова-думы* (43), *думы-шепот* (50), *ласкость-тихость* (92), *мзда-страдание* (100), *грусть-задумчивость* (114), *храп-бормотанье* (117), *садовод-мастер* (120), *песня-музыка* (130), *говор-крик* (134), *крик-говор* (182, 185), *говор-смех* (429), *слова-взгляды* (135), *беседы-басни* (155), *слабость-робость* (198), *тоска-робость* (253), *слова-крики* (394), *вихрь-холод* (400), *немец-хозяин* (423) и др.

В сочинительных образованиях подобного типа возможно объединение и сразу трех существительных, например: *змея-птица-рыба* [о гондоле] (235), *вопросы-сказки-грезы* (235), *думы-грезы-упреки* (350).

Такие новообразования используются автором романа для более разностороннего и компактного описания определенных фрагментов ситуации.

Помимо большого количества окказионализмов, образуемых соположением существительных, в романе отмечается также огромное количество окказионализмов, образуемых соположением глаголов по модели: *ходит-бродит*; *и пошел-поехал*; *Шумел, горел пожар московский...*; *Там ступа с Бабою Ягой идет, бредет сама собой*; *Жили были старик со старухой...*; *И стали они жить-поживать да добра наживать*. Этот тип словосложения не является продуктивным в современном русском языке, однако широко используется автором.

Весь массив глагольных окказионализмов можно условно разделить на три большие группы и несколько немногочисленных групп. К одной из них относятся окказионализмы, образуемые соположением глаголов, близких по значению, например:

– *И заснет-задремлет* Корнута важный. Но не больше, чем на минуту, на две (185).

– Начала что-то ворчать об осетрине, которая в этот раз не то неудачно, не то удачно куплена. Но *стукнули-задрезжали* стаканы. Заворчала громко и сердито, и ласково (195).

К этой группе также относятся и следующие окказионализмы: *конь пропал-провалился* (21); [Федор с Вячеславом] *пропали-провалились* (51); *ходит-гуляет* [Макар] (110); *гуляет-бродит* Корнута-отрок (139); [Кто это] *наговорил-нажаловался* (56); *убить-сокрушить* [брата] (71); [хотела Мелания] *закричать-завопить* (77); *затрепетала-забилась* [Мелания] (77); *забыть-согнать* [ужас] (81); *скажет-донесет* (83); *спать-дремать* (87); *страшное встает-нарождается* (96); *очнется-проснется* [Семен] (106); *ездит-катается* [Макар] (110); *спорить-торговаться* (111); *бьется-колотится* [сердце] (124); *открыл-распахнул* [дверь] (128); *прошли-пролетели* [слова] (128); *целует-милует*

его (130); *бьет-хлещет волна морская* (130); *украли-полонили* (136); *парила-висела* [ночь] (138); [слова птицами] *летают-кружат* (154); *очарование пришло-возвратилось* (154); *гудел-гремел орган* (210); *вдохнула-охнула помещица* (254); *поднял-вскинул голову* (314); *истерика колотила-трепала* (330); *взоры встретиться-столкнуться боялись* (354); *прятался-спасался* (359); *смолк-оборвался говор* (364); *кинулась-упала в постель* (420) и др. Этот тип словосложения, как и в случае с существительными, близкими по значению, используется автором романа для усиления значения объединяемых глаголов, для более полного и компактного описания ситуации и усиления экспрессивности повествования. Заметим, что по современным правилам пунктуации эти глаголы могли бы писаться и через запятую.

Наряду с глагольными окказионализмами в романе встречаются и немногочисленные примеры общеупотребимых повторов одного и того же глагола: *подождут-подождут* (37); *обещались-обещались* (48); *жили-живут почетные граждане* (139); *думал-думал* (139) и др. Повторы одного и того же глагола в одной и той же форме используются в современном русском языке для выражения длительности и интенсивности действия, например: *думал-думал да и надумал*; *ждал-ждал да не дождался*; *смотрит-смотрит— пытается разглядеть*.

Многочисленную группу окказионализмов в романе составляют объединения глаголов, обозначающих разные действия, но связанные ситуативно сочинительной связью, например:

– Три раза подряд выиграл Доримедонт. Не отыгрался еще. Но ликовал. *Шутил-насмехался* (268).

– — Ах, Яшенька! Прокурор ты. *Смотри-любуйся*, Степан-Степаныч, каков племянник у меня, Макаров-то первенец (272).

К этой группе можно отнести следующие окказионализмы: *увертывалась-смеялась* (20); *пели-кричали* (20); *спит-ворочается* (21); *причесываются-припомаживаются* [волосы бабочкой] (23); *затрепетал-захлебнулся* (27); *хохочут-рассказывают* (36); *крикнул-цыкнул старик* (43); *чует-мыслит* (50); *чует-шепчет* (50);

встала-предстала девица-красавица (52); *шепчут-повторяют* (53); *говорила-плакала* (59); *вороны кричат-мечутся* (59); *забегали-замигали глаза* (60); *заторопилась-заплакала* (68); *говорит-будит* (71); *застучали-заскрипели* [ступени] (71); *шли-бежали* [люди на пожар] (74); *стоял-молчал* (80); *кричит-воет* (80); *закричали-заплакали* (82); *думы летают-ползут* (87); *пел-шептал свой тропарь* (96); *говорит-улыбается* (105); *говорит-наставляет* (105); *сидит-высматривает* (162); *ворчать-думать* (196); *улыбнулся-фыркнул* (205); *зевал-потягивался* (215); *думал-шептал* (255); *шептать-выкрикивать слова* (256); *дошли-добежали до огонька* (259); *трепетал-спрашивал* (260); *видела-слышала* (282); *зашептал-застонал* (325); *плакала-горевала* (331); *целовал-утешал* (355); *сидел-молчал* (355); *целовал-радовал* (360); *шептал-пел* (372); *говорил-жаловался* (391); *заходил-забегал* (426); *дрожала-звенела на блюде чашка* (430) и многие другие. Отмечаются и немногочисленные примеры ситуативного объединения сразу трех глаголов: *прыгает-вертится-хохочет* (39), *стоял-молчал-караулил* (119), *говорить-упрекать-жаловаться* (159), *шла-молчала-вела* (242). Такие глагольные образования, вероятно, служат целям более разнообразного, иногда более динамичного и компактного описания действий.

Большой интерес представляют окказиональные объединения глаголов, где второй глагол является модификатором и конкретизатором первого, ср.:

– *Идет-спешит* от попа Ивана Вера Тараканова. Ныне менее злобы на желтом лице ее (108).

– И на дядю поглядел и надеждою, и ненавистью бессильною. А на Степана Степаныча так, будто *сказал-прошипел*: // — Тебя-то чего сюда нелегкая занесла? (272).

К такого рода объединениям можно отнести следующие: *входила-влетала* [женщина] (20); *вошел-вбежал* (57; 290; 365); *входили-вбегали* (92); *вошли-вбежали* (114); *вошла-вбежала* (329); *подошел-подбежал* (22); *ушла-растаяла* [женщина] (21); *говорит-шепчет* (28); *бормочут-шепчутся* (29); *заплакало-зарыдало* (44); *объясняет-кричит* (64); *сказал-прокричал* (72); *толкует-воркует про разное* (76); *сложил-кинул свою ношу* [на тахту] (77); *плачу-рыдаю* (87); *пошла-побежала* (91); *идет-спешит* (108); *невнятно*

отвечал-чавкал (110); *идет-пробирается* (126); *идет-торопится* (127); *дверь ударила-зазвенела* (135); *смотрит-впился* (140); *ходил-хромал* (209); *ходил-маршировал* (209—210); *шла-молчала* (242); *шли-спешили* (242); *встал-вскочил* (247); *сказал-прошептал* (251); *сказал-прошипел* (272); *говорит-шепчет* (286); *вдова бродит-ползает* (291); *в кресле <...> сидела-лежала мать* (297); *встал-вскочил* (309); *поднял-вскинул голову* (314); *сказала-прошептала* (329); *сказал-крикнул* (334); *говорил-пел Антон* (354); *летели-трепыхались часы* (365); *говорил-спешил* (365); *вышла-выбежала* (372); *сказала-прокричала* (388); *читал-шептал* (390); *читала-шептала* (431); *говорила-шептала* (393); *встала-вскочила с дивана* (410); *шептал-торопился* (426) и др. Случаи, в которых конкретизатором действия является первый из двух глаголов, единичны, например: *заскрипел-заговорил* (33); *шептала-говорила* (53); *замурлычет-запоет* (123); *заскользил-побежал* (212); *шептала-повторяла* (242); *слова поет-говорит* (253) и др. Редким примером, когда глагол выполняет функцию определения, является название книжных магазинов «Читай-город» (ср. название района в Москве *Китай-город*).

Иногда объединяются глаголы, отображающие последовательность действий, например: *ужаснулся-проснулся* (27); *вставать-одеваться* (54); *села-повалилась* (82); *младенца отнести-спрятать хочет* (91); *взял-поднял медный шандал* (95); *затрещала-вскоробилась накрахмаленная грудь* (207); *первый стакан налил-выпил Виктор* (235); *сел-повалился на коврик* (247); *повлек-уложил* (259); *открылась-хлопнула дверь* (312); *сел-упал на диван* (322); *упадешь-пропадешь* (350) и др.

Большую группу окказиональных образований в романе представляют собой сложные определения, которые, как правило, оформляются с помощью дефиса. Среди них также можно выделить несколько подгрупп.

Одну из них образуют прилагательные, являющиеся объединением основ двух прилагательных, имеющих разные значения, например:

– Макар Яковлевич по одному своему второму этажу бегаёт <...> И открытые двери, и снующие мимо слуги ничуть не мешают *строительно-хозяйственным* его думам (186).

– В молчании *влюблено-далеком* затих Виктор. И тихи были слова спутников... (236).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *священно-торжественные дни* (31), *раздумчиво-страшные слова* (32), *весенне-капризная река* (33), *Дарья весело-прекрасная* (47), *утренне-солнечные стены* (48), *однолико-скорбны думы* (49), *огонечки скорбно-молитвенны* (53), *зелено-веселый берег* (61), *недавно-девичья дума* (63), *шелково-стальная материя* (66), *старо-розовый плюш* (67), *сонно-радостная рука* (75), *жадно-веселые взоры* (92), *брито-красное лицо* (95), *радостно-бездельные люди* (101), *ласково-холодный снег* (107), *молчаливо-скорбный Семен* (112), *насмешливо-злобная улыбка* (114), *спокойно-гордая Раиса* (114), *свято-книжные слова* (116), *стыдно-гнусные дни* (116), *дремно-жуткие засыпания* (117), *кругло-неподвижные глаза* (118), *радушно-вдумчивое лицо* (119), *винно-цветочный праздник* (122), *речь жалобно-ласковая девичья* (130), *влюбленно-тихие взоры* (134), *волжско-майская ночь* (138), *разумно-холодное тело* (138), *хвалебно-просительные песни* (138), *деревянно-русский город* (139), *завистливо-сердитые глазки* (151), *весело-молодой мальчишка* (158), *слова молитвенно-любовные* (180), *взгляд злобно-завистливый* (197), *мраморно-мертвый город* (230), *Италия старо-каменная* (232), *старо-белое здание* (241), *покорно-печальные глаза* (300), *стон липко-мокрый* (300), *перо забыто-зажатое в руке* (350), *поцелуй уверенно-красный* (355), *лицо развратно-тихое* (383), *безучастно-наглая жизнь каменной столицы* (412) и др. Окказионализмы подобного рода, вероятно, создавались для более полной, компактной и иногда неожиданной характеристики определяемого объекта.

Определенный интерес представляют окказиональные объединения прилагательных-антонимов. Приведем примеры: *ново-старый сон* (23), *притворно-искренняя тихость* (24), *сладко-горестный воздух* (59), *грузно-стройный дворец* (97), *скорбно-радостный Семен* (101), *далеко-близкий хохот* (102), *злобно-веселая Вера* (110), *ласково-властные слова* (119), *счастливо-несчастливая женщина* (122), *морозно-теплый склеп* (123), *счастье небесно-земное* (132); ср. также: *безмерно богатая и нищая дочь* (125), *гордо-счастливая и терзаемая дочь* (125), *дождливо-солнечное лицо* (157),

добродушно-хитрый Яков (166), *слова скромно-хвастливые* (173), *говор радостно-грустный* (174), *площадь близко-далекая* (244), *глаза неживые-живые* (251), *ковёр тускло-пестрый* (296), *Волга далеко-близкая* (296) и др. Создание таких образований, вероятно, призвано было породить у читателя противоречивые чувства, неуверенность и нечеткость восприятия образа; возможно, являлось попыткой создать новые значения, для которых в русском языке нет отдельного слова, т.е. создать определенный стилистический эффект. Надо заметить, что аналогичные процессы наблюдаются и в абстрактной живописи, когда, отказавшись от языка предметной живописи, конструируя необычные композиции, художник пытается создать новые значения и смыслы, которые невозможно выразить языком предметной живописи.

В образовании сложных окказиональных определений такого рода И.С. Рукавишников часто использовал и причастия, иногда определяемые наречиями, например:

– Не уехал Виктор из Венеции тогда, после закрытия выставки. *Мертвощепчущая* сказка впервые видимого города очаровала больного неизлечимую любовью (230).

– Молчаливо стали пить чай ... И удивляясь, и сердясь, почуял Антон *зарождающиеся-поднимающиеся* слезы (256).

– И обнимал ее, слабый уже, но жаждущий. И говорил *наильно-ласкающие* слова (261).

К этой группе определений можно отнести следующие окказионализмы: *вошел бледно-решившийся* (65—66); *Семен погибающе-радостный* (66); *неверяще-радостные* глаза (75); *предвкушающе-спокойный* голос (95); *весенне-разлившаяся* Волга-река (97); *скрипяще-медлительный* голос (103); *хохочуще-рыкающий* бас (118); *кругло-неподвижные* глаза (118); *пытливо-испуганные* глаза (119); *мудро-выцветшие* гобелены (122); *розово-выцветающий* шелк (122); *холодно-молчащие* потолки (123); *упорно-испуганная* песня (124); *бездонно-недвижные* очи (133); *влюбленно-тихие* взоры (134); *предзакатно-томящиеся* дали (156); *упрекающе-злые* взоры (165); *взоры ищуще-*

утомленные (247); *шутки-загадки плачущие-смеющиеся* (337); *красно-всходящее из моря солнце* (402) и др.

Одно из центральных мест в художественной палитре романа занимает образ «лампады» и «лампадного света», относящийся к периоду юности второго поколения героев, периоду их жизни в родительском доме. Отсюда мы имеем следующие сложные определения: *лампадно-рассветная битва* (26), *лампадно-рассветная комната* (26), *лампадно-ризный свет* (117), *лунно-лампадные слова* (117), *лампадно-тихие стены* (118), *лампадно-душная спальня* (119) и др.

Значительную группу окказиональных образований в романе представляют собой объединения двух разных по значению наречий, например:

– Чинно по ковру ступая, чуть пошатываясь, Корнунт футляры разноцветные с орденами и медалями вынул, раскрыл. И *медлительно-любовно* перед зеркалом себя украсил (212).

– *Грустно-раздумчиво* говорил, стоя у дверцы балконной со стаканом в руке (238).

К этой группе можно отнести и следующие окказионализмы: *тоскливо-страшно* (20); *гордо-весело* (21); *справа-слева* (24); *спокойно-важно* вымолвил (34); *влюбленно-тихо* сохла (39); *важно-насмешливо* (39); *испуганно-раскаянно* глядели они (47); *чует-мыслит* <...> *жутко-раскаянно* (50); *тихо-скорбно* ходят (53); *важно-грозно* <...> слова бросал (82); *спокойно-рассудительно* (94); *говорил вкрадчиво-испуганно* (100); *тоскливо-бездумно* кричат (108); *морозно-предсмертно* дремал (109); *морозно-никчемно-пусто* (110); *весело-радостно* (110); *громко-весело* рассказывал (111); *тихо-грустно* беседуют (113); *весело-визгливо* песни поют (117); *честно-заботливо* нажитого (123); *злобно-радостно* шипит (140); *злобно-нерадостно* взглядывается (140); *тихо-радостно* Виктору (159); *обиженно-злобно* повторяя (166); *важно-нудно* рассказывать (173); *безрадостно-злобно* урча (254); *грустно-вдумчиво* ответил (362) и др. С семантической стороны такие окказиональные объединения наречий служат усилению значений (*весело-радостно*, *весело-визгливо*, *тихо-скорбно*, *тихо-грустно*), более полному, разностороннему

описанию ситуации (*тоскливо-страшно, испуганно-раскаянно, морозно-никчемно-пусто, честно-заботливо*) или, путем объединения трудносовместимых, а иногда и противоположных по значению наречий, автору удается создать особый стилистический эффект (*морозно-предсмертно, злобно-радостно, мучительно-радостно, недавно-давно, успокоенно-трепетно* и т.д.).

Объединение двух разных по значению наречий не является продуктивным типом словосложения в русском языке. Высокопродуктивной, однако, является редупликация, т.е. повтор одного и того же наречия, для усиления его значения, например: *тихо-тихо, сильно-сильно, скоро-скоро, далеко-далеко, рано-рано, давно-давно* и пр.

Как видно из приведенных выше примеров, И.С. Рукавишников широко пользуется различными типами словосложения для создания окказиональных новообразований, однако отмечается много случаев, когда такие возможности словосложения писателем упускаются, ср.:

– Но вот Сережиного лохматого врага слова *каменно убедительные* показались такими *простыми, неоспоримыми* (171).

– По воскресеньям длинный стол в столовой рабы *чинные, бесшумные, с утра уставляют, украшают* (174).

– Между ними тяжелый темный стол, ничем не покрытый ... И Макар Яковлевич *закричал, забегал, запрыгал* по ту сторону длинного стола. *Задышался, заикался*, когда выкрикивал свои слова (229).

Из проведенного предварительного исследования типов окказионального словосложения в романе И.С. Рукавишникова можно сделать следующие выводы:

Языковой статус сложных окказиональных образований в романе неоднороден, порой неоднозначен и часто не вписывается в существующие классификации: одни новообразования можно рассматривать как словосочетания (например, объединение существительных с определительной связью), другие — как сложные слова (объединение прилагательных или прилагательных с причастиями), а статус третьих еще требует тщательного, всестороннего изучения и своего особого определения.

Рассмотренные окказиональные образования в романе служат разным целям. Окказиональное объединение слов или основ, близких по значению, способствует интенсификации их значения и усилению воздействия на читателя. Объединение слов или основ, связанных лишь только ассоциативно по ситуации, помогает более разностороннему и компактному описанию фрагментов таких ситуаций. Объединение слов или основ с противоположными, антонимичными, а иногда просто трудносовместимыми значениями, осложняет восприятие текста и служит целям создания особых стилистических эффектов. Отмечались и такие новообразования, которые не поддаются однозначной интерпретации.

Совершенно очевидно, что обилие сложных окказионализмов в романе говорит об осознанном эксперименте автора по созданию новых языковых единиц и значений, которые бы отражали авторское видение описываемой в романе реальности. Не исключено, что в языке романа можно проследить и определенное влияние местного нижегородского говора начала XX в.

Прошло уже около ста лет со времени появления романа «Проклятый род», но яркий эксперимент в области словосложения, затеянный автором, так и не произвел революции в русском языке, и, наверное, не только потому, что роман был многие годы почти не известен читателю. Как бы там ни было, богатейший языковой материал романа заслуживает тщательного и всестороннего исследования.

Литература

1. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 2012.
2. Кочеткова Т.И. Проблема словосложения в современной русистике // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета, № 1, 2006.
3. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989.
4. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.

5. Рукавишников И.С. Проклятый род. Нижний Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999.
6. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 1982.